

© 2001 г.

О.Л. ГНАТЮК

Н.С. ТИМАШЕВ КАК СОЦИОЛОГ

ГНАТЮК Ольга Леонидовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного технического университета.

Николай Сергеевич Тимашев (1886—1970), 33 года своей жизни проживший в России, а 50 лет вне ее, - один из крупнейших социологов русского зарубежья, всемирно признанный теоретик социологии права. Как ученый и профессор он сформировался в петербургской академической среде и на его научное творчество повлияли прежде всего социологи, правоведы и историки Северной столицы. Оказавшись в эмиграции с 1921 г., он жил сначала в Германии, сотрудничая в газете "Руль", с 1923 г. был профессором Пражского университета и сотрудником Института русской экономики, руководимого С. Прокоповичем, с 1928 г. в Париже сотрудничал в газете "Возрождение", был профессором Славянского Института при Сорбонне и Франко-Русского Института. 34 года Тимашев жил и работал в США, с 1936 г. преподавал в Гарвардском университете, а с 1940 г. восемнадцать лет - профессор созданного им факультета социологии и Школы аспирантуры в Фордэмском университете (Нью-Йорк).

В историю науки профессор Н. Тимашев вошел прежде всего как социолог и правовед, а также как специалист по России и СССР. Важнейшими и постоянными темами его исследований оставались право, политические системы, Россия, теория и история социологии, современные социальные движения. П.А. Сорокин, характеризуя личность и значение трудов Тимашева, отмечал, что, "начав свою университетскую карьеру в качестве юриста, он впоследствии приобрел наибольшую известность как социолог... Он очень много работал также над проблемами религии и церкви, народного образования, демографии, политических и идеологических течений, советования, международных отношений и др. ...Много Тимашев сделал в своей жизни в качестве профессора-педагога для нескольких поколений русской, западноевропейской и американской учащейся молодежи" [1].

Его "переход" от академической подготовки в области правоведения к социологии был обусловлен рядом причин. Труды М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева он проштудировал, будучи еще гимназистом. В Лицее слушал лекции последнего по истории "на явно социологической основе", изучал работы Н.М. Коркунова и Л.И. Петражицкого. Теоретическое наследие Тимашева огромно: два десятка книг по общей теории и истории социологии, социологии права на русском и иностранных языках, более 2000 газетных статей по актуальным вопросам практически всех социальных наук, почти 300 статей и рецензий в американских и западноевропейских научных журналах, переведенных на 15 языков, свыше 100 рецензий в эмигрантской прессе. Его "Sociological Theory. Its Nature and Growth". New York, 1955, переизданная в 1957, 1965 и 1967 гг., переведенная на португальский и испанский языки, в США и во многих странах стала официальным университетским учебником по теории и истории социологии.

Как отмечает Й.Ф. Шойер, ученик и коллега Тимашева в Фордэмском университете, его труды не претендуют быть "системой социологии", но при последовательном рассмотрении его социологических анализов можно выделить три основных положения, связывающих тимашевскую социологию в единое целое: 1. Общество и социальные системы суть самоопределяющиеся с точки зрения их культурного и персонального (индивидуального) элементов. 2. Каждый из них (т.е. социальный и культурный элементы) в своих пределах способен изменяться. Это изменение не определяется внешними факторами, но переменными внутренними, присущими культурному и персональному элементам. 3. Социальные структуры и их движущие силы должны быть наблюдаемы как человеческие процессы, а не только как биологические или меха-

нические процессы. Эти процессы подлежат научному исследованию именно потому, что они являются человеческими [2].

Наряду со "всеохватностью и единством", а также объективностью тимашевского подхода, составляющих важнейшие особенности и ценные свойства его творчества, Н.П. Полторацкий, характеризуя его общую социологическую и философско-историческую концепцию, выделяет сочетание в них "*принципов детерминизма и индетерминизма*". Тимашев "объединяет и выражает их в понятиях *вероятности и тенденции общественного развития*. Он считает, что прямолинейный подход к жизни общества со стороны стародавнего эволюционизма не учитывает всей сложности этой жизни. В действительности, во всяком состоянии... есть несколько возможностей, которые, становясь вероятностями, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций осуществляются, а какие нет, предвидеть с абсолютной уверенностью нельзя...". Добавим, что эти особенности мировоззрения Тимашева как ученого, социолога и носителя консервативно-либеральной русской общественно-политической традиции перекликаются с философско-социологической методологией "основного и имманентного дуализма" социально-исторического процесса П.Б. Струве [3].

Взгляды Тимашева по проблемам *общей социологии* отчасти близки взглядам П.А. Сорокина и некоторым идеям "генетической социологии" М.М. Ковалевского. Так, Тимашев поддерживал мысль последнего о том, что генетическая социология, являясь творческим синтезом материалов многих конкретных социальных наук, по методологии ближе всего к исторической социологии, а "разрыв" Ковалевского с русской традицией, которого он считал выдающимся представителем позднего эволюционизма, усматривал прежде всего в том, что социологическая система Ковалевского была построена на детальном изучении истории социальных, политических, правовых и экономических институтов.

Социологии П. Сорокина он дает различные характеристики. В "Социологической теории" Н. Тимашев характеризует ее как "аналитическую социологию", теоретиками которой, по его мнению, были также Т. Парсонс, Ф. Знанецкий, Р. Макайвер, Дж. Хоманс и др., позднее - в 3-ем издании этой же книги - как "систематическую социологию" [4]. Он также считает, что публикации Сорокина могут быть разделены на те, которые вносят первостепенный вклад в аналитическую социологию, и те, которые относятся к исторической (или динамической) социологии, раскрывающей единообразие, однородность и принципы развития целых обществ, культур и цивилизаций. Многие положения сорокинской социологии оказали непосредственное влияние на Тимашева, были приняты или подвергнуты критике. Как и Сорокин, он выбирает *интеракцию* (взаимодействие) как единицу, при помощи которой необходимо анализировать социальный феномен. Субъектами интеракции являются человеческие индивиды или организованные группы. Общество состоит из *социальных групп* или *систем*. По Тимашеву, ключевой концепцией социологической теории Сорокина является "система значений, которая выражена в коммуникативных терминах, и которая составляет важный элемент сферы взаимодействия, и есть *социокультурная система*". Сорокин определяет социологию как обобщающую теорию структуры и динамики социальных систем, культурных систем и личности.

По мнению Тимашева, концепция интуиции Сорокина очень близка к феноменологической процедуре "идеациональной абстракции". Однако его методологический плюрализм, его методологическая позиция не трансформировали его социологическую теорию в философскую теорию. Одним из наиболее разочаровывающих аспектов методологии Сорокина является отсутствие четкости, касающейся того, что он называет *логико-означающим методом*. Этот метод является чисто *логическим*. Хотя Сорокин резко не согласен с претензиями крайних представителей количественных методов в социологии, он обильно их использует, например, для того, чтобы установить стиль особенной социокультурной подсистемы [5].

Подобно П. Сорокину, Тимашев считал предметом социологии родовые признаки всех общественных явлений и корреляцию между ними; социология должна явиться $p + 1$ -й наукой, изучающей то родовое, что присуще социальным явлениям, где p - объекты для изучения. В этом смысле она является общей теорией социального. Выделяя социологию из совокупности социальных наук (теоретических, куда относятся социальная философия и общая социология; описательных - истории и этнологии; прикладных), он определяет социологию также как "общую теоретическую науку об обществе, т.е. о людях в их взаимозависимости", как науку об "общественных взаимосвязях людей (человеческих существ) в их взаимозависимости". Общая социология - это теоретическая абстрактная наука, которая пытается формулировать законы и относиться к разряду "номографических наук". Наряду с общей социологией, он выделяет такие "специальные, или конкретные, специализированные социологии, как социология промышленных отношений; социология права; политическая социология; социология знания; социология

религии; социология семьи; социология преступлений (криминология); социология рас и национальных отношений" [6]. По другой формулировке, "социология - это теория, в общей форме объясняющая строение общества и поведение людей в нем" [7]. Социология изучает "биопсихологический коллективный опыт людей", и нет принципа или субстрата, к которому можно свести все общественные процессы. Любое социальное явление необходимо изучать, исходя из анализа его действительного, реального развития и следуя "логике факта", а не априорной, заранее навязанной схеме. По его мнению, социология должна изучать саму социальную реальность, а не ее логические образцы, как то: реально существующие типы многообразных социальных групп, сложный феномен культуры (ее структуру, процессы дифференциации и интеграции, систему образцов и ценностей, продукт интеграции и т.д.), социальные процессы, социальный и культурный обмен.

Отвергая исторический монизм, он утверждал, что социальные процессы определяются взаимодействием многих факторов: экономических, культурных, демографических, религиозных, психологических и др. Он понимает общество как результат взаимопроникновения различных социокультурных систем (право, промышленность, интеллект, наука, религия, психика). Общество является результатом взаимопроникновения различных социокультурных систем, а изменения в обществе, культуре и личности проявляются в виде взаимопроникающих систем, каждая из которых - лишь аспект другой.

Для уяснения становления социологических представлений Тимашева важно рассмотрение его *социологии права*. Магистерская диссертация Н. Тимашева "Условное осуждение", успешно защищенная им в день его 28-летия 9 ноября 1914 г. в Петербургском университете, рассматривала условное осуждение с исторической, догматической и *социологической* точек зрения и была, по его же оценке, "первым упражнением по социологии". Этому предшествовали выводы будущего социолога о том, что правоведение и даже общая теория права не универсальны, а национальны. *Национальное право* он понимал как "право, носителем которого являются национальные группировки, а предметом - неприкосновенность условий самобытного их развития" [8].

Его также не полностью удовлетворяли трактовки права как системы самодовлеющих норм, регулирующих поведение людей (правовые нормы реальны только в психике переживающих их людей), изложенные в психологической теории права Л.И. Петражицкого, который отрицал реальность юридических норм, прав и обязанностей, составляющих суть юриспруденции, и приписывал реальность опытам индивидуумов, противопоставляя юридический опыт моральному. Для Тимашева оставались открытыми вопросы: что такое право? И если власть государства не сводится к сознанию правителей, а основана на подчиненности масс (Н.М. Коркунов), то откуда же берется это сознание подчиненности масс населения власти государства? И "как может право, которое на протяжении тысячелетий рассматривалось как система норм или идей, быть действительно интегрировано с обществом и культурой, рассматриваемыми как части биопсихической реальности?" Что такое право как социально-психологический феномен? Огромную роль в его последующем переходе от правоведения к социологии и в его устойчивом интересе к проблемам уголовного права и пенологии сыграл А. А. Жижиленко - представитель российской социологической школы уголовного права, которая искала общественные причины преступлений и последствий наказания в данном конкретном обществе [9].

Дальнейшим толчком к профессиональным занятиям социологией была преподавательская деятельность Тимашева на экономическом отделении Петроградского Политехнического института с 1916 по 1920 гг. (сначала доцентом, а с 1918 г. - профессором), куда его пригласил А.Г. Гусаков, декан отделения, специалист по торговому праву для чтения лекций по уголовному праву и "по общей теории права на социологической основе", т.к. именно это было нужно студентам-экономистам. Одновременно Тимашев был приват-доцентом Петроградского университета. Таким образом, его можно считать одним из основателей новой отрасли в социологии - социологии права; одним из первых в России он преподавал социологию права (кроме него этим занимались О. Эрлих в Вене и Р. Паунд в США), и "первичными" источниками будущих социологических анализов Тимашева стали именно университетские занятия в Петербурге, российская традиция юридической и социологической наук. Он использовал свой курс лекций по общей теории права, излагавших "социальную подкладку права", в книге "Социология права", рукопись которой в России издать не удалось, но впоследствии по памяти он изложил некоторые аспекты своего курса в статье "Право как коллективно-психологическая реальность" в сб. "Труды русских ученых за границей" (Т. 2, Берлин, 1922), а также восстановил по памяти содержание утерянной рукописи в книге "An Introduction to the Sociology of Law" (Harvard Univ., Cambridge, Mass. 1939) ("Введение в социологию права") [10].

Вопреки сложившейся точке зрения, Тимашев не был абсолютным последователем основателя петербургской психологической школы права Л.И. Петражицкого. Он рассматривал право не как сугубо психологическое, а как социальное явление, изменяющуюся правовую систему считал отражением изменений в социальной системе. Корректнее говорить о влиянии психолого-правовых идей Петражицкого на социологию права Тимашева. Он адаптировал их в 20-30-е гг. к научным школам Западной Европы и США, что стало непосредственной предпосылкой возникновения социологической юриспруденции и новейших социолого-психологических концепций права.

Социально-психологическая концепция права Тимашева предполагала следующее: 1) за основу права принимается психология социальной группы, а не отдельного индивида; 2) правовые нормы являются оформленными нормами поведения, традиционно сложившимися в данном обществе; 3) социология права (как и социология) относится к разряду "*номографических наук*", целью которых является установление законов, регулирующих взаимодействие общества и права; 4) право есть предмет изучения как для юриспруденции - науки "*идеографической*", цель которой - в изучении определенной системы права (римского права, французского права и т.д.), так и для философии права, рассматривающей проблемы, которые не могут быть разрешены "*научными методами*" [11].

За время четырехлетнего "гарвардского" периода своей научно-педагогической деятельности (1936-1940) Тимашев обобщил свои главные подходы к социологии права в уже упомянутой книге "*An Introduction to the Sociology of Law*", которая была переведена на французский и японский языки. Он отмечал, что рассматривает право во взаимосвязи с *властью* и *процессом обучения*, следуя принципам, что: 1) эмпирическое изучение права должно представлять собой изучение фактов, а не идей; 2) реальность права должна подтверждаться на материале биопсихических опытов человека; 3) право и мораль образуют вместе высший класс этики. Поскольку биопсихический опыт человека, связанный с правом, имеет коллективный характер, то он должен рассматриваться *социологически*. Основными двумя факторами для научного понимания возникновения и реальности права являются: 1) наличие в каждой длительно существующей группе такого порядка, который может быть выражен в нормах и который через посредство сложных механизмов делается обязательным для членов группы; 2) наличие социальной власти. Эти два явления (нормы социальной группы и социальная власть) следует анализировать в виде комплексных систем тенденций заученного поведения. Они могут существовать независимо друг от друга, но могут и сливаться, и в результате слияния возникает право.

В статье "*Социальная реальность идеальных схем*" (1948) Тимашев сделал два дополнения к своим взглядам, изложенным во "*Введение в социологию права*". Во-первых, о наличии параллелизма между структурой юридической нормы и тенденцией заученного поведения. Гипотезе нормы соответствует ситуация стимула; диспозиции - реакция; копуле (т.е. долженствованию) - биопсихический организм, вызывающий реакцию. По его мнению, этот параллелизм может объяснить как таинственную силу чувства долга, так и отчасти нормативные элементы интернационализации культуры. Во-вторых, существует функциональный взаимообмен идеальных и реальных схем, в то время как оригинальные нормы (т.е. идеальные схемы) проявляются как абстракции действительного поведения, санкционированного групповыми убеждениями; позднее совершается открытие техники законодательства, т.е. планового введения новых норм, долженствующих воплотиться в реальное поведение [12].

Немало работ Тимашев посвятил анализу *советского права*, которое он определяет как: 1) "право социалистическое, хотя и недемократическое"; 2) "право тоталитарной и деспотической диктатуры. Оно тоталитарно в том смысле, что принципиально вмешивается во всевозможные человеческие дела и отношения. Оно деспотично, потому что не наделяет граждан никакими правами против государства и не дает им никаких гарантий против злоупотреблений власти,... которая покоится... на факте захвата власти и удержания ее любой ценой"; 3) "право общества, подвергшегося глубокому культурному упадку"; 4) "право общества, в котором революционного происхождения власть... вернулась на путь частичного возрождения отдельных элементов дореволюционной культуры... В результате советское право, в какой-то искаженной форме, возрождает русскую правовую традицию, конечно, ограниченную тоталитарным и деспотическим характером строя и культурным упадком. А т.к. русская правовая традиция есть лишь ветвь европейской или... западной, то советское право в некоторых своих элементах оказывается членом западной семьи правовых систем. Комбинация социалистического плана, тоталитарности, деспотии и диктатуры дала социальное образование, которое получило название коммунизма. Три последние элемента этой смеси дают советскому праву террори-

стический характер". Тоталитарный характер советского государства проявляется в том, что "право является младшим членом тройки *партия-план-право*" [13].

Тимашев отрицал распространенные теории о том, что Россия оказалась в стороне от влияния римского права и римской церкви. Влияние римского права проявилось в заимствовании некоторых принципов кодекса Юстиниана и особенно сказалось на семейном и наследственном праве. Рассматривая более чем 1000-летнюю историю развития российского государства и русской культуры, Тимашев пришел к выводу, что в политическом, хозяйственном и культурном отношениях Россия - это та же Европа, хотя и Восточная, но ни в коем случае не Азия [14].

Будучи знатоком уголовного права, в 1932 г. Тимашев получил от П. Сорокина предложение из Гарварда "составить сводку данных об изменении состава преступлений и суровости наказаний в главных странах Европы со времени падения Римской империи до наших дней", а чуть позже - данных "о революциях с V века по 1925 г." для "Социокультурной динамики". (Для работы над ней были привлечены 20 американских, европейских и русских ученых, две главы во втором томе и три главы в третьем томе которой, как значилось в примечании, были написаны Сорокиным и Тимашевым "в сотрудничестве".) Используя те же приемы, которые он применял в "Условном осуждении" еще до основательного изучения криминологии, Тимашев, изучив уголовное право Франции, Германии, Австрии, Италии, России почти за тысячу лет, составил список 102 преступлений (убийство, изнасилование, разбой, кража, разрушение существующего строя и т.д.) и список 10 степеней строгости наказаний. На основании количественного сравнения этих таблиц он пришел к собственному выводу, подтверждаемому фактами, но противоречащему утверждению Э. Дюркгейма, а именно, что *по мере роста культуры строгость наказаний не уменьшается*. П. Сорокин полностью принял выводы Тимашева, которые соответствовали гипотезе самого Сорокина о том, что тенденции гуманизации наказания не существует, а есть только флуктуации суровости в достаточно узких пределах, и что развитие культуры происходит не прямолинейно, а зигзагообразно [15].

Рассматривая *религиозные преступления* по действующему русскому праву, нарушающие "ограждающие веру постановления" (разработанные Комитетом Министров в 1905 г.), он считал, что "если религия охраняется как важнейшая культурная сила, как источник необходимых для поддержания государства добродетелей, то защита, и притом равная, должна быть распространена на все религии, обладающие общим этическим учением (догматические и тем более обрядовые различия несомненно не меняют значения религии как культурной силы), а таковыми являются все христианские вероисповедания. Между тем, объем защиты интересов православной веры по действующему праву значительно обширнее, нежели охраняемая область для инославных вероучений. Основным началом нашего религиозного строя является принцип государственного покровительства религии" [16]. В эмиграции Тимашев продолжает исследовать проблемы социологии религии, в частности, религии, государства и церкви в Советской России, в СССР, положения православной церкви при советском режиме. В 40-е гг. он публикует десятки статей в журналах "The American Catholic Sociological Review" и "The Russian Orthodox Journal", книгу "Religion in Soviet Russia, 1917-1942" (New York, 1942), переведенную на португальский, шведский, датский, китайский и испанский языки.

Определяя *границы преступного возбуждения масс*, он внес известный вклад в современное понимание социологии коммуникации и пропаганды. Если свободная по своей природе мысль, считает он, будучи выражена вонне и имеющая мотивирующее значение, "по своему содержанию представляется *антисоциальной*, то проведение ее в сознание других может стать прямо общепаспным... Ввиду этого государство,... если мотивируемое поведение представляется с его точки зрения недопустимым,... может и в некоторых случаях должно воспретить такую мотивирующую деятельность под страхом наказания". Наказуемыми в законе являются такие виды мотивируемого поведения, которые направлены на: "1) учинение бунтовщического или изменнического деяния; 2) ниспровержение существующего в государстве общественного строя; 3) неповиновение закону, обязательному постановлению или законному распоряжению; 4) учинение тяжкого преступления; 5) нарушение воинскими чинами обязанностей службы". "Публичное возбуждение к учинению тяжких преступлений было признано наказуемым всеми проектами уголовного уложения... Ненаказуем тот, кто не сознает возбуждающего характера своего действия или, при так называемой *публичной пропаганде*, общевозбуждающего характера речи, сочинения или изображения" [17].

В 40-е гг. Тимашев обращается к разработке важнейшей отрасли политической социологии - сравнительному анализу *политических систем*, господствующих в первой половине XX века. Он был одним из первых аналитиков тоталитарных тенденций и режимов XX столетия (на примере русского и советского опыта в первую очередь), революций и войн, предпринял

компаративный анализ экономики, политических систем и систем права, культуры, идеологий либерального, коммунистического и фашистского обществ. Он анализирует западное общество, начиная с 1913 г., трансформацию политической структуры и экономического строя либеральных обществ в Европе в 1918-1938 гг., отмечая, что «в рамках западной цивилизации три типа социальной организации - коммунистическая, либеральная и фашистская - конфронтировали друг с другом перед началом второй мировой войны». "Коммунистическое общество - это социальная конфигурация особого свойства. Это общество намеренно действует согласно доктрине и подчиняющему плану, установленному ею. В таком обществе человек ощущает себя подвластным, или, по крайней мере, провозглашает, что ощущает себя явным инструментом большой идеи. Следовательно, социальная конфигурация коммунистического общества есть идеократия... Коммунизм может быть достигнут как попытка трансформации общества согласно плану, происходящему от доктрины, установленной априори. Фашизм - это попытка установить новый социальный порядок доктрины, производной от действия. При фашизме старое британское выражение "жди и смотри" превращается в: "действуй и смотри"... В политической сфере коммунистического и фашистского общества обнаруживается известное сходство, контрастирующее с обществом либеральным» [18].

Впервые им на "стыке" *политической социологии и социологии общественного мнения* в 1931 г. предложена классификация, "трехчленный ряд" современных государств "в зависимости от отношения государственной власти к общественному мнению", а именно:

1) *"наставническое государство"* (старые теократии, коммунистическая Россия, фашистская Италия, Турция Кемалья-паши), т.е. государство с официальным мировоззрением, где власть добивается единства с общественным мнением, и оно принуждено приспособиться к указаниям власти, которая вырабатывает общественный идеал и навязывает его в качестве общеобязательного, в результате чего все приемлют существующий государственный строй. В таком государстве официальное мировоззрение покрывает все стороны жизни и проводится всей мощью госаппарата;

2) *автократическое государство* (абсолютные монархии, обыкновенные диктатуры), в котором государственная власть *игнорирует* общественное мнение, предоставляя подвластным свободу слова лишь в той мере, пока это не опасно для власти;

3) *демократическое государство* (парламентские монархии, республики), где власть в конечном счете *подчинена* общественному мнению, и где государственный аппарат построен так, что при расхождении между властью и общественным мнением в конечном счете побеждает последнее. Общественный идеал в таком государстве вырабатывается в неорганизованном порядке [8, с. 3-5].

Общеобязательное официальное советское мировоззрение вырабатывается коммунистической властью на основе книг Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина посредством их *издания*, для чего существуют специальные институты, Коммунистическая Академия, занимающаяся *экзегезой* (логической обработкой текстов полных собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма с целью извлечения из них возможно большего количества выводов), и *распространения*, т.е. использования разнообразных форм *пропаганды: организованных* (постановления ЦК партии, резолюции съездов и партконференций, календарные планы местных парткомитетов; преподавание в советской школе истории труда, истории революционных движений, обществоведения; пропаганда через советы и профсоюзы) и *неорганизованных* (выступления партийных вождей II, III и дальнейшего рангов, пропаганда "партактива", через СМИ, литературу и искусство). Отсутствие свободы собраний, свободы союзов, в частности, свободы образования политических партий, запрещение фракций в недрах компартии препятствует формированию независимого общественного мнения. В противовес официальной пропаганде остается только *церковная проповедь*, все более стесняемая, да разговоры в интимном кругу родных и друзей. Длющаяся десятилетиями концентрированная официальная пропаганда имеет результатом значительное изменение средней психологии человека и ее притупляющее воздействие опасно с точки зрения возможности будущего развития [8, с. 5-7, 9-12, 14-16].

Еще в годы второй мировой войны, когда СССР и США были союзниками в антигитлеровской борьбе, Н. Тимашев (ранее знаменитого "конвергенционального" эссе П. Сорокина "Взаимное сближение США и СССР к смешанному социокультурному типу", опубликованного в 1960 г.) пропагандировал *теорию конвергенции*, которая в 60-е гг. была воспринята многими ведущими западными экономистами, политологами и социологами. Самая известная работа Тимашева, снискавшая ему мировую известность как одного из родоначальников теории конвергенции и сразу же переведенная на португальский, шведский и китайский языки, - "The Great

Retreat". New York, 1946 ("Великое отступление"). В ней автор на основе скрупулезного анализа темпов роста экономики, динамики социальной структуры и политической системы российского общества в период с 1890 по 1913 г. обосновал вывод о том, что, не будь революции 1917 г., которая не была ни необходимой для прогресса страны, ни неизбежной, Россия к 1938-1940 г. вошла бы в "клуб" наиболее развитых стран, которым присущи такие характеристики, как передовые технологии, всеобщее благосостояние, лидирующая роль образования, открытость к взаимодействию с др. странами, интернационализация всех сфер жизни.

Тимашев рассматривал "коммунистическую революцию в России" как "великое отступление", как "историческую случайность, давшую сигнал к ряду разрушений дореволюционного либерального российского общества". Однако он признавал заслуги Советской власти в индустриализации страны, превратившей страну в промышленную сверхдержаву, что в конце концов важнее многих потерь в области культуры, искусства и науки, ибо индустриальное общество, обладая мощным потенциалом, способно преодолеть любые трудности, а его эволюция неизбежно выводит его на общий для всех индустриальных стран путь развития. Он считал, что СССР по мере экономического прогресса станет менее репрессивным и более демократичным обществом [19]. Анализируя причины революции и классовую структуру дореволюционного российского общества, в котором он выделяет пять "главных" классов (два "высших"; "средний" класс; "четвертый" класс - крестьянство, состоящее из нескольких групп; "пятый" класс - пролетариат, преимущественно городской), Тимашев отмечает, что революция 1917 г. полностью изменила критерии социальной дифференциации, упразднив богатство и доход как критерии престижа. Первое социалистическое общество состояло из четырех классов: "высший класс", включающий высшую, прежде всего партийную, а также интеллектуальную, крестьянскую и рабочую элиты; "пролетариат, состоящий из рабочих и занятых" в секторе национализированных средств производства; "класс крестьян"; "класс, лишенный избирательного права" [20].

В 60-е гг. Тимашев продолжает исследовать *проблемы политических движений и идеологий XX столетия* в контексте истории русской либеральной и коммунистической идеологий. В одной из своих статей, опубликованных в "Новом журнале", ученый предложил следующую типологию современных идейно-политических движений. Общественные идеалы "можно расположить в линию, начиная с *реакции* (благо общества - в возврате к доброму старому времени), проходя через *консерватизм* (благо общества в возможно большей стабилизации настоящего), через *либерализм* (благо общества в постепенном разворачивании освободительных реформ, с сохранением преемственности и порядка), через *радикализм* (благо общества в быстром разворачивании освободительных и иных прогрессивных реформ, с сохранением по мере возможности порядка и преемственности) и кончая *революционной* идеологией, носителем которой часто подсознательно обожествляют революцию и видят в ней очистительную жертву, приводящую к тому, что всем станет хорошо или... лучше. От этих идеалов и соответствующих им настроений отдельных личностей надо отличать *политические партии*, т.е. общественные организации, всегда целеустремленные, направленные к *приобретению* или *удержанию власти* в видах реализации тех или иных идеалов" [21]. Тем самым в рамках политической социологии Тимашев дает типологизацию политических движений по критерию их идеологической ориентации, выделяет политическую функцию политических партий как важнейшую и основную, наконец, понимает либерализм прежде всего как консервативный либерализм (синтез умеренных реформ, преемственности и порядка). В связи с этим следует отметить, что, хотя в юности он симпатизировал А.Ф. Керенскому и работал в его правительстве, его можно в целом охарактеризовать как русского либерального консерватора или консервативного либерала (наряду с Б.Н. Чичериным и Г.Т.Б. Струве). Социально-экономическое, государственное и культурное будущее пореволюционной России он связывал с либерально-консервативной моделью развития, органически сочетающей "известный компромисс и синтез начал, доставшихся от прошлого и являющихся как бы вечными в истории России, и элементов, которые доказали свою жизнеспособность и уцелеют после конца советского периода русской истории" [22].

После 1949 г. "сквозной" темой тимашевского анализа права, политических систем и русского общества является *проблема идеологии*. Так, он рассматривал советский режим, существовавший уже почти полвека, как вовсе не окончательную форму исторического бытия России в XX веке именно исходя из анализа процессов, происходящих в сфере идеологии. Один из его консервативно-либеральных прогнозов о будущей новой, пореволюционной России связан с тем, что, наряду с существованием в Советской России и СССР формально только одной, официальной коммунистической идеологии, называвшейся то марксистско-ленинско-сталинской, то марксистско-ленинской, существует *подпольная*, или *вольная идеология*,

которая не столь выражена и подлежит угадыванию из сведений о недовольстве людей. О ней можно судить по нападкам советской власти на разные категории граждан, неугодных режиму, по мероприятиям власти, направленным на умиротворение недовольных масс, по еретическим мыслям, проскальзывающим в советскую литературу, по разговорам иностранцев в СССР и советских людей за границей, по свидетельствам очернения Сталина. Основными пятью элементами вольной идеологии, отражающей различные сферы недовольства в СССР, Тимашев считает массовое недовольство колхозной системой и неприятие коллективизации; недовольство торговлей и легкой промышленностью; несоблюдение прав личности и негарантированность личной неприкосновенности; подверженность церкви и верующих давлению. По его мнению, наличие даже пяти указанных элементов вольной идеологии дает право считать, что при некоторых резких политических сдвигах в стране эта подпольная идеология "выйдет на поверхность", получит признание и дальнейшую разработку и сможет послужить фундаментом для установления нового социально-экономического и культурного порядка. Уже в конце 50-х гг. в России происходит "идеологический конфликт" двух идеологий, в котором "официальная" идеология связана с положением и рангом в партии, а "неофициальная" - с возникновением передового, городского, индустриализированного и свободного русского общества. Новая, неокapиталистическая идеология имеет большое значение как политическая сила, пользующаяся внутренней поддержкой [23]. Прогнозы Тимашева подтвердила эпоха гласности и перестройки.

Тимашев придавал социальным идеалам важнейшую роль и рассматривал их как силу, движущую человеческими поступками и нередко имеющую даже некоторое первенство перед другими влияниями. Он отмечал, что "несовместимые социальные идеалы, которым приписывается универсальная действенность, вызывают противодействие со всех сторон" и анализировал идеологические конфликты как факторы истории, часто приводившие к войне. Так, «вторая мировая вспыхнула, главным образом, из-за попытки Германии заставить "старый мир" принять ее социальный идеал, основанный на превосходстве тевтонской расы» [24].

Сегодня мы делаем только самые первые шаги в изучении интеллектуальной биографии и научного наследия Н.С. Тимашева, одного из крупнейших социологов, значение которого для российской и мировой социологии еще не оценено по достоинству и осмысление идей которого сулит немало нового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Под почетной ред. проф. П.Л. Сорокина. Под ред. проф. Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк, 1965. С. 3.
2. Шойер Й.Ф. Социология Н.С. Тимашева // Социол. исслед. 1994. № 4. С. 120, 123-124; *он же*: Социология Н.С. Тимашева // На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. С. 26.
3. Полторацкий Н. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль. Сб. статей. ТераПу, N.Y., USA, 1988. С. 201-202 (курсив наш). См. подробнее: *Гнатюк О.Л.* П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. Гл. 2, 5.
4. *Timasheff Nicholas S.* Sociological Theory. Its Nature and Growth. New York. Revised Edition. 1965. P. 234; *Timasheff Nicholas S.* Sociological Theory. Its Nature and Growth. New York, Third Edition, 1967. P. 232.
5. *Timasheff N.* Sociological Theory. Its Nature and Growth. New York, Third Edition, 1967. P. 232-234, 236-238.
6. *Timasheff N.S.* (in collaboration with *P.W. Facey, S.J. and J. Schlereth*). General sociology. Milwaukee, 1959. PP. 7, 9-10. 13-14.
7. *Тимашев Н.С.* Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда. Лекции. Офицерская школа усовершенствования военных знаний при 1-ом отделе Русского Общевоинского Союза в Париже. Париж, 1931. С. 17 (курсив наш).
8. *Тимашев Н.С.* Проблема национального права в Советской России // Современные записки. Париж, 1927. №29. С. 379.
9. *Тимашев Н.С.* Как я стал социологом? // Социол. исслед. 1994. № 4. С. 124, 125; *он же*: Развитие социологии права и ее сфера // *Беккер Г., Бесков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 479, 485.
10. *Тимашев Н.С.* Как я стал социологом? // Социол. исслед. 1994. №4. С. 126; *Куликова М.* Тимашев Н.С. / Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М, 1997. С. 622-623.
11. *Жуков В.Н.* Петражицкий Л.И. // Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 371; *Санов В.В.* Тимашев (Timasheff) Н.С. / Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 347-348.

12. *Тимашев Н.С.* Развитие социологии права и ее сфера // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 488-489.
13. *Тимашев Н.С.* Советское право в американском освещении // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. Кн. XXVI. С. 294-295, 302 (курсив наш).
14. *Полторацкий Н.* Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль. Tenaflu, N.Y., USA, 1988. PP. 192-195.
15. *Тимашев Н.С.* Как я стал социологом? // Социол. исслед. 1994. №4. С. 127; *Коган В.М.* Пенология // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 262; *Дойков Ю.В.* Николай Тимашев и Россия // Социол. исслед. 1996. № 7. С. 138.
16. *Тимашев Н.С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1916. С. 8, 13-14, 16.
17. *Тимашев Н.С.* Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву // Журнал министерства юстиции. Пг., 1914, декабрь, № 10. С. 69-70, 76, 77-78, 84, 87, 90, 105-106, 112.
18. *Timasheff N.S.* Three Worlds: Liberal, Communist and Fascist Society. Milwaukee, 1946. PP. 20,48, 155-156, 175, 182.
19. *Timasheff N.S.* Three Worlds: Liberal, Communist and Fascist Society. Milwaukee, 1946. P. 38; *Timasheff N.S.* The Great Retreat New York, 1946. P. 395; *Филатов В.* Тимашев (Timasheff) Н.С. // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 505.
20. *Timasheff N.S.* The Great Retreat. New York, 1946. PP. 295-302.
21. *Тимашев Н.С.* Вместо предисловия // Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. Кн. 63. С. 245 (курсив наш).
22. *Полторацкий Н.* Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль. Сб. статей. Tenaflu, N.Y., USA, 1988. С. 203.
23. См. там же. С. 198—200; *Тимашев Н.С.* Две идеологии (Мысли о современном положении в России) // Новый журнал. Нью-Йорк. 1958. Кн. 53. С. 209-221; *Шойер Дж.* Н.С. Тимашев о будущем России // На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. С. 54.
24. *Шойер Й.Ф.* Социология Н.С. Тимашева // Социол. исслед. 1994. № 4. С. 122.